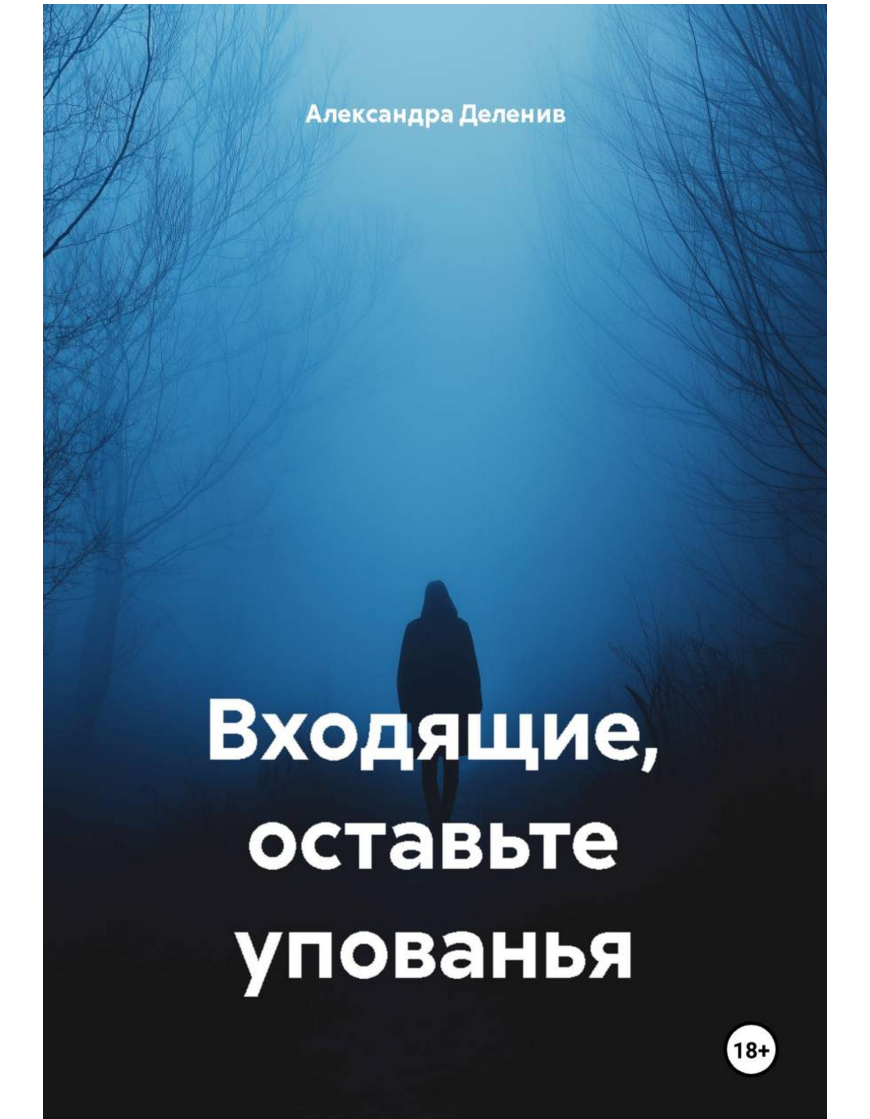

A person is walking away from the viewer down a path in a forest. The trees are bare and their branches are silhouetted against a thick, blue mist or fog that fills the upper two-thirds of the image. The person is a dark silhouette in the center of the lower third. The overall mood is mysterious and somber.

Александра Деленив

**Входящие,
оставьте
упования**

18+

Александра Деленив

Входящие, оставьте упования

<https://litres.ru/74215228>

SelfPub; 2026

Аннотация

Евгений Григорьев по кличке Гора — хозяин преступного мира: притоны, подпольные казино, бордели. Он привык всё решать деньгами и грубой силой. Его жена Ксения, бывшая эскортница, не может иметь детей, и супруги удочеряют девочку из детского дома, в которой души не чают. Но внезапный диагноз — острая почечная недостаточность — переворачивает жизнь Горы. Оказавшись между жизнью и смертью, он впервые задумывается о цене своих грехов.

Александра Деленив

Входящие, оставьте упования

Деленив А.С.

драма

Входящие, оставьте упования.

«[А если стал порочен целый свет,](#)

То был тому единственной причиной

Сам человек: лишь он – источник бед,

Своих скорбей создатель он единый.»

Божественная комедия. [Данте Алигьери.](#)

Пролог.

Пять лет со дня освящения часовни в честь святой бла-

женной Ксении Петербургской выдались солнечными, но поосеннему прозрачными. Белый камень стен, еще не тронутый копотью мегаполиса, сиял так, словно его облили жидким серебром. Евгений стоял у входа, чуть опираясь на трость, и смотрел, как к храму стекаются люди: жители окрестных домов, работники его автомоек, бывшие зеки, наркоманы и проститутки, а ныне администраторы и кассиры, пришедшие с семьями. Даже те, кто когда-то не верил, что переступит порог церкви, сегодня пришли на юбилейную службу.

Соня, его приемная дочь, уже тринадцатилетняя, с двумя тугими косами и серьезным взглядом, несла корзину белых роз. Рядом шла Катя, родная старшая сестра Сони, тонкая, высокая молодая женщина, в глазах которой, больше не было ее обычной затравленности, только тихое достоинство. Ксения, жена основателя, в скромном платке и длинной юбке поправляла свечи у иконы своей небесной покровительницы. Всё дышало миром и благодатью, и Евгений, герой-основатель церкви, в прошлом криминальный элемент по кличке «Гора» чувствовал, как шов на боку — память о чужой почке, подарившей ему вторую жизнь — почти не болит.

После литургии, когда схлынула толпа и священник ушел в алтарь, Евгений задержался в опустевшем притворе. Солнце пробивалось сквозь витраж, роняя цветные блики на каменный пол, и в этой тишине он заметил женщину в сером переднике. Она стояла на коленях и аккуратно, почти нежно,

отскребали с плит застывший воск — там, где утром горели десятки свечей. Ее движения были привычными, усталыми, но исполненными какой-то вековой обреченной кротости.

Гора присмотрелся. Кто эта женщины? Как ее зовут? На вид явно больше пятидесяти лет, с бледным, изможденным лицом, на котором застыла печать давней беды. Она оттирала воск, оставленный чужими молитвами, и молчала. Может быть, молилась про себя.

В голове Евгения вихрем пронеслись мысли. Он строил этот храм, чтобы отмолить прежнюю жизнь, полную грязи, притонов и наркотического дурмана. Теперь его предпринимательство легализовано. Он нанимал в автомойки людей, жизнь которых была сломана продуктами, когда-то успешного бизнеса Горы — людей с ВИЧ, без прописки, с тюремным прошлым. Он старался всех знать лично, помнить их беду и отмаливать заблудшую душу.

Он вспомнил бригаду строителей — тех самых, которых ему привел прораб после скандала с прежними подрядчиками. Бригада состояла из бывших заключенных, людей без документов, мигрантов, спящих в строительных вагончиках. Они месили раствор, таскали кирпичи, выводили ровные арки и штукатурили купола. Они знали, что строят храм, и работали как одержимые — возможно, тоже отмаливали что-то свое.

Евгений перекрестился и осторожно опустился на колени рядом с женщиной. Та вздрогнула от неожиданности, но он

лишь молча взял тряпку и принялся помогать оттирать темное пятнышко воска.

— Простите, — сказал он тихо, обращаясь не столько к ним, сколько к Тому, Кто смотрел на него с купола. — Я молился, каялся, жертвовал, но забыл спросить ваше имя. Забыл узнать, какая боль привела вас сюда — мыть полы перед Богом.

— Ничего, у каждого здесь своя история. Кому воск отскребать, кому храм строить. Главное, что мы все вместе под этой крышей. Меня зовут Людмила, мой дом сгорел, батюшка разрешил мне..

Людмила опустила голову и продолжала тереть пол, надеясь, что мужчина уйдет. Но он не уходил. Молчание было долгим. Людмила почувствовала, как внутри, где давно уже все спеклось в твердый ком, что-то слабо шевельнулось. Не жалость к себе — скорее, тоскливая потребность выговориться, скинуть часть груза. Она потерла тряпкой уже чистый пол, просто чтобы чем-то занять руки, и добавила:

— Я срок отсидела. Теперь оттираю. Не оттирается.

Глава 1. Срок отсидела.

Поселок Ольховка жил своей тихой, размеренной жизнью. Две с половиной тысячи душ, большинство из которых знали друг друга если не по именам, то в лицо точно. Новость о том, что Людмила Соколова вернулась из Москвы, да еще и

на сносях, разлетелась быстрее весеннего ветра. Сорок шесть лет — возраст, когда другие уже нянчат внуков, а Людка, всю жизнь проработавшая на вахтах, приехала рожать первенца.

В Ольховке к Людмиле привыкли относиться как к перекасти-поле. Уезжала на полгода в столицу, фасовала творожные сырки на молочном заводе, жила в общежитии, копила деньги. Возвращалась — тратила, помогала какой-то дальней троюродной тетке, пока та была жива. Своей семьи не сложилось. «Видно, не судьба», — говорила она когда-то с грустной улыбкой Вале, местному почтальону, разносившему ей редкие письма. И вдруг — такое.

В тот год, говорят, осень в Москве была дождливой, а в цеху — душно. Среди гула конвейеров и однообразных движений она и познакомилась с Рустамом. Таджик, разнорабочий, моложе ее лет на десять, с глазами цвета крепкого чая. Роман был коротким, как столичная оттепель. Когда Людмила поняла, что беременна, Рустам уже уехал на другой объект. Она не стала его искать, решив, что это подарок судьбы. Шанс, который выпадает раз в жизни. Она уже смирилась с одиночеством, а тут — такое счастье.

Беременность протекала тяжело. Давление скакало, ноги отекали так, что она едва влезала в растоптанные тапки. Врачи в районной женской консультации качали головами: возраст, первые роды. Она лежала на сохранении, слушая, как за окном воеет февральская метель, и гладила огромный живот, разговаривая с тем, кто внутри. Роды были долгими и мучи-

тельными, закончились экстренным кесаревым. Шов заживал плохо, боль не отпускала ни на минуту. Мальчика назвала Антоном.

Молоко не пришло. Грудь осталась пустой и безжизненной. Антоша кричал сутками напролет. Пронзительно, надрывно, на одной ноте. Этот крик, казалось, проникал под черепную коробку и сверлил мозг. Людмила качала его на руках, баюкала, меняла памперсы, грела бутылочки со смесью, которую выдали в соцзащите. Но крик не утихал. Отец ребенка не писал, не звонил, хотя Нина, свидетель из романа, передала и фото и адрес проживания их смуглого сына Антона. Родни не было. Только она и этот бесконечный, выматывающий плач.

Дом Соколовой стоял на отшибе, у леса. Раньше там кипела жизнь, а теперь все пришло в запустение. Валентина, почтальон с тридцатилетним стажем, приносила пенсию и редкие письма. Она первой заметила неладное. Однажды, зайдя в дом, она ужаснулась: на полу грязные пеленки, немытая посуда с засохшими остатками смеси, кислый запах. Антоша, худенький и бледный, лежал в кроватке и тихо хныкал, а Людмила спала на диване, отвернувшись к стене, как ни в чем не бывало.

— Люда, Люда! — Валя трясла ее за плечо. — Ребенок плачет!

— А? — Людмила разлепила глаза. Взгляд был мутным, пустым. — Он всегда плачет.

Потом случился первый «забыв». Она оставила коляску у магазина, купила хлеба и, погруженная в свои мысли, пошла домой. Опомнилась только через час. Продавщица, увидев брошенного младенца, вызвала участкового. Полицейские привезли Антона домой. Людмила стояла на крыльце и смотрела на них с искренним недоумением, словно не понимая, из-за чего весь сыр-бор.

Второй раз это случилось в районной больнице. Она приехала показать сына Наталье Николаевне, пожилому педиатру, которая помнила еще родителей Людмилы. Зашла в кабинет, положила переноску с Антоном на пол у двери и вышла. Просто вышла и уехала на автобусе домой. Наталья Николаевна нашла ребенка спустя полчаса. Людмилу нашли дома спящей. Крепким, почти наркотическим сном.

— Это послеродовая депрессия, — тихо говорила Наталья Николаевна Валентине за чаем. — Тяжелая форма. Ей нужен психиатр, а не педиатр. Но как ее заставишь? Она же на учет не встанет, говорит, что просто устала.

А потом начались вспышки гнева. Обострение наступило в полгода, когда у Антона резались зубы. Он не спал ночами, кричал так, что даже в отдаленных домах слышали его истошный плач. В одну из таких ночей, обезумев от крика, Людмила схватила его за плечи и начала трясти. Лицо ее исказилось, глаза налились чернотой. Ее пальцы сдавили горло ребенка. Антон захрипел, затихая. И вдруг она отдернула руки, испуганно глядя на посиневшее личико, и начала де-

лать ему искусственное дыхание, причитая сквозь зубы. Она реанимировала его, воя словно раненая волчица.

В другой раз был сеновал. Старый стог сена во дворе. Людмила действовала методично, словно заводской автомат по фасовке. Установила в центре стога острые вилы зубьями вверх, тщательно укрепив черенок. Затем забралась наверх с Антоном на руках. «Сейчас, сейчас, мой хороший, полетаем», — шептала она. Она размахнулась и бросила его в центр стога, целясь прямо на сверкающую сталь. Но мальчик, извиваясь в полете, каким-то чудом упал рядом, в мягкое сено. Вилы лишь оцарапали его ручонку. Он лежал и плакал, а Людмила спускалась вниз, чувствуя не облегчение, а досаду. Досаду на то, что чудо снова спасло этого ребенка.

Почтальон Валя замечала все. Антон был худ. Болезненно худ.

— Люда, он у тебя ест-то нормально? Прям кожа да кости. Может, проблемы с аппетитом?

— Ест как троглодит, — неожиданно резко ответила Людмила, сжимая спинку детского стульчика. — Три раза в неделю точно.

Валю эти слова ударили током. «Как троглодит. Три раза в неделю». Эта странная, чужая фраза засела в голове. Она пересказала ее Наталье Николаевне. Педиатр нахмурилась. На очередном осмотре она заметила на предплечьях и грудной клетке Антона странные синяки — четкие, продолговатые, словно отпечатки четырех пальцев взрослого челове-

ка при сильном надавливании. Наталья Николаевна смотрела на Людмилу долгим, изучающим взглядом. Та выдержала его, глядя в сторону и монотонно жуя жвачку.

Долгожданный покой взорвался в один день. Почтальон принес извещение. Из Таджикистана, от Рустама. Людмила сама, словно в тумане, сходила на почту и получила картонную коробку, обмотанную скотчем. Дома, дрожащими руками, вскрыла ее. Внутри был килограмм сушеного урюка, курага, изюм и пакетик с грецкими орехами. Ни записки, ни письма. Только обратный адрес на коробке.

И тут в ее голове, отравленной депрессией и бессонницей, что-то перемянуло. Это был знак. Предложение. Он зовет ее. Конечно, как она раньше не догадалась! Он зовет ее к себе! В солнечный Душанбе, к новой жизни, где нет этой грязи, этого холода и этого вечного плача. Нужно только убрать последнюю помеху. Назойливая мысль, похожая на жужжание мухи, превратилась в оглушительный рев: «Избавиться от Антона».

Она действовала решительно, как в те редкие минуты, когда к ней возвращалась ясность ума. Одеда Антона в старенький комбинезончик и вышла на окраину поселка, где у заброшенной фермы обитала стая бродячих собак. Псы были злые, голодные, сбившиеся в настоящую волчью стаю. Она посадила Антона на землю, а сама отошла за угол, прижавшись к холодной бетонной стене. Сердце колотилось. Она ждала визга, рычания, предсмертного крика.

Но собаки не напали. Они окружили плачущего ребенка, обнюхивали его, поджав хвосты, и вдруг залаяли. Просто залаяли и завыли, подняв морды к серому небу. Их вой был тоскливым и безысходным. На шум из соседнего дома вышел старик. Он увидел ребенка, сидящего на земле в окружении псов, и, чертыхаясь, бросился к нему. Людмила, увидев это, выскочила из укрытия быстрее молнии. Она подхватила Антона на руки, прижала к себе и, улыбнувшись старику застывшей улыбкой, побежала прочь.

Путь был один — к реке. Черная, холодная вода с быстрым течением. Она шла по илистому берегу, не чувствуя, как ноги вязнут в грязи. Антон на ее руках замолчал, словно чувствуя неотвратимость конца. Не останавливаясь, не прощаясь, не глядя ему в лицо, она размахнулась и швырнула сверток в самую стремнину. Раздался тихий всплеск. Вода сомкнулась над тельцем, унося его вниз по течению.

Людмила повернулась и пошла домой. Движения ее были четкими, почти механическими. Она вышла во двор, собрала все вещи Антона: крошечные распашонки, книжки, погремушки, одеяльце — и свалила их в кучу посреди двора, облила кирасином. Чиркнула спичкой. Ткань занялась быстро. Пламя, жадное и веселое, взметнулось вверх. Она стояла и смотрела, как горят последние улики ее материнства. Порыв ветра перекинул огонь на старый, разохшийся забор, а с него — на стену дома. Затрещало дерево, повалил черный, едкий дым.

Взвыла сирена. Приехала пожарная машина. Сбежались соседи. И тут Людмила, стоявшая до этого каменным изваянием, вдруг страшно, нечеловечески закричала и бросилась к пылающему дому.

— Там мой сын! — кричала она, вырываясь из рук пожарных. — Спасите! Там мой мальчик! Антоша!

Ее скрутили, оттащили. Она билась в истерике, кричала, пока не сорвала голос. Ей дали успокоительного и увезли на скорой. В районной больнице, куда ее доставили с незначительными ожогами рук, дежурный врач-психиатр, глядя в ее безумные, блуждающие глаза, поставил диагноз: острый психоз. Ее оставили в палате под наблюдением. Она лежала, привязанная к кровати ремнями, и смотрела в потолок. В голове была звенящая, совершенная пустота.

Через несколько часов в палату вошли двое полицейских. Их лица были мрачны.

— Гражданка Соколова? — спросил один из них, разворачивая перед ней измятую фотографию. — Вы узнаете этого ребенка?

Тело Антона нашли рыбаки в трех километрах вниз по реке, зацепившееся за корягу.

Людмила медленно перевела взгляд с фотографии на лицо полицейского. Глаза ее были пусты, но губы вдруг зашевелились. Голос прозвучал тихо, почти буднично:

— А у вас дети есть?

Полицейский не ожидал такого вопроса, настолько обы-

денного среди этого ужаса. Людмила, не дожидаясь ответа, продолжила — без злобы, с какой-то усталой, всепонимающей интонацией:

— Вам хорошо. Не надо с ними сидеть. Ваша жена мучается, а ваша работа — носить домой деньги.

В палате повисла тишина. Полицейский, отец двоих детей, сглотнул ком в горле, не зная, что ответить этой женщине, которая только что призналась в самом страшном, но говорила так, будто они просто соседи на лавочке. А Людмила уже потеряла к нему интерес. Ее свободная от ремня правая рука машинально потянулась к тумбочке, где лежал сенсорный телефон. Она нажала кнопку, экран засветился. На заставке улыбался Антон — она сфотографировала его месяц назад в один из редких моментов затишья, когда он, накормленный и сонный, ненадолго замер у нее на руках. Но сейчас она даже не взглянула на снимок. Палец привычно смахнул в сторону, открывая приложение с прогнозом погоды.

Сейчас в Душанбе было плюс тридцать два, солнечно. И время — плюс два часа к московскому. Там, далеко, жизнь продолжалась. Там, возможно, Рустам пил сейчас чай с тем самым урюком и не знал ничего о том, что его сын лежит в холодном морге, а женщина, подарившая ему жизнь и отнявшая ее, лежит, привязанная к койке, в палате с решетками на окнах. Она смотрела на цифры, обозначающие время в далеком, недостижимом Душанбе, и губы ее беззвучно шевелились, словно она пыталась отправить туда телеграмму,

которая никогда не дойдет.

Глава 2. Бога нет.

— Я сына убила. Срок отсидела. Теперь оттираю. Не оттирается.

— Хотите поговорить об этом? — Евгений протянул ей руку, помогая подняться с колен. Тряпка упала в ведро с мутной водой, подняв облачко восковой пыли. Солнечный луч переместился, осветив лик блаженной Ксении на иконе. Людмила, опираясь на руку незнакомца, поднялась и пошла к выходу из храма, туда, где в маленькой трапезной тихо гудел самовар и пахло сушеными травами. Там, за простым деревянным столом, она впервые попытается рассказать свою историю — о сыне Антоне, о реке, о посылке с урюком, о том, как она смотрела прогноз погоды в Душанбе, пока тело ее мальчика лежало в морге. Это был долгий, мучительный разговор, но он станет началом. Началом пути, который длиннее, чем от Ольховки до Москвы, и который начинается не с оттирания полов, а с одного-единственного слова, сказанного вслух.

Евгений приучил себя не осуждать. Ему точно нельзя.

Память унесла его в прошлое, почти на десять лет назад.

Воздух в кабинете был спертый, пах дорогим табаком и страхом. Евгений Григорьев, он же Гора, сидел в кресле, обитом черной кожей, и смотрел на город сквозь панорамное

окно. С высоты двадцатого этажа люди казались муравьями. Он и чувствовал себя хозяином муравейника.

Его мир состоял из венозной сетки улиц, по которым текли деньги. Грязные, бумажные, мятые, но такие сладкие. Пивнушки-«разливухи», где алкаши оставляли последние гроши. Залы с игровыми автоматами, где под мерцание экранов ломались судьбы. Сауны, пропахшие дешевым баннным мылом и отчаянием, где работали девочки его избранницы Ксении. И притоны, похожие на гнойники на теле района.

Гора был царем своей горы мерзких искушений, построенных на человеческих слабостях. Он думал, что его тело — такая же скала, как и его положение. Он ошибался. Почка, маленький орган, о существовании которого он забыл, готовила бунт. Тихий, бессимптомный, смертельный.

Евгений редко улыбался. Улыбка — это слабость. Даже свадьба с Ксюшей была скорее сделкой, оформившей их давний союз. Она была его лучшим «товаром» когда они в первый раз встретились, а стала его женой. Он действительно любил её той странной, собственнической любовью, на какую был способен. Ксения была холодна, расчетлива и бесплодна. Врачи вынесли вердикт: детей не будет.

— Это знак, Женя, — сказала она тогда, закуривая тонкую сигарету. — Бог не дает нам детей, потому что мы сами — проклятые.

Гора лишь сплюнул:

— Бога нет.

Пустота в трехэтажном особняке звенела. И однажды он принес домой Соню из детского дома. У девочки были огромные, перепуганные голубые глаза и спутанные светлые волосы. Ксения сначала смотрела на ребенка как на куклу. Но Соня, взяв её за палец, вдруг прошептала: «Мама».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.